

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.01

<https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-594-600>

Шифр научной специальности 5.1.4

К вопросу о позитивном поведении в уголовном праве

© КОЛОСОВСКИЙ Олег Валерьевич,

аспирант, кафедра уголовного права, ФГБОУ ВА «Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева», Российская Федерация, 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, <https://orcid.org/0009-0002-7235-1814>, oleg.kolosovsky@mail.ru

Аннотация

Решение законодателем вопроса о криминализации и декриминализации деяний неразрывно связано с выработкой отношения к тому или иному деянию как положительному, нейтральному или общественно опасному. Акцентировано внимание на том, что, в конечном счете, социальное назначение уголовно-правовых норм – оценка и направление в социально-полезное русло поведения индивидов. Рассмотрен вопрос о том, какое поведение в уголовном праве можно считать позитивным. Дана характеристика содержательной стороны данного понятия с учетом его исторической изменчивости. Отмечено, что позитивное поведение в доктрине уголовного права недостаточно рассматривать только в границах посткриминального поведения. Обращение к философскому пониманию ценностей и к наработкам конфликтологии позволило обосновать отличительный признак позитивного поведения – социальную полезность. Обосновано, что социальная полезность для целей уголовного права должна пониматься не в восприятии самого субъекта, который может понимать ее искаженно, а в объективном ключе. Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что освобождение от уголовной ответственности в силу исполнения приказа или распоряжения имеет иное социально-правовое обоснование по сравнению с остальными основаниями, исключающими преступность деяния.

Ключевые слова

позитивное поведение, уголовное право, социальная полезность, освобождение от уголовной ответственности, преступление, оценочные понятия

Для цитирования

Колосовский О.В. К вопросу о позитивном поведении в уголовном праве // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 594-600. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-594-600>

On the issue of positive behavior in criminal law

© Oleg V. KOLOSOVSKY,

Post-Graduate Student, Criminal Law Department, Ural State Law University named after. V.F. Yakovleva, 21 Komsomolskaya St., Yekaterinburg, 620137, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0002-7235-1814>, oleg.kolosovsky@mail.ru

Abstract

The legislator's decision on the issue of criminalization and decriminalization of acts is inextricably linked with the development of an attitude towards a particular act as positive, neutral or socially dangerous. We focus on the fact that ultimately the social purpose of criminal law norms is the assessment and direction of individual behavior in a socially useful way. The question of what kind of behavior in criminal law can be considered positive is considered. The content of this concept is characterized taking into account its historical variability. It is concluded that positive behavior in the doctrine of criminal law can't be limited within the scope of post-criminal behavior. Turning to the philosophical understanding of values and the developments of conflictology made it possible to substantiate the distinctive feature of positive behavior is social utility. The conducted research made it possible to conclude that exemption from criminal liability due to the execution of an order or instruction has a different social and legal justification compared to other grounds that exclude the criminality of an act.

Keywords

positive behavior, criminal law, social utility, exemption from criminal liability, crime, evaluative concepts

For citation

Kolosovsky, O.V. (2023). On the issue of positive behavior in criminal law. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* = *Current Issues of the State and Law*, vol. 7, no. 4, pp. 594-600 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-4-594-600>

Введение

Одно из значимых направлений уголовно-правовых исследований связано с социальным назначением уголовно-правовых норм. Влияние, которое уголовно-правовые нормы способны и должны оказывать на общественные отношения, в той или иной мере становится предметом внимания исследователя любого уголовно-правового феномена, ведь смысл каждого из них в конечном итоге сводится к оценке и направлению поведения индивидов в желательное для общества русло.

В связи с указанным представляется, что достижение с помощью правовых средств позитивного поведения – это один из главных критериев эффективности применения норм уголовного права. Однако попытка осмыслить сущность позитивного поведения в уголовном праве подводит исследователя, заинтересовавшегося данным явлением, к проблеме понятийного свойства.

В юридической литературе высказываются опасения в связи с тем, что нестабильность в законодательной оценке одного и

того же поведения нарастает, категория преступления «пугающими темпами» превращается во все более переменную величину [1, с. 123]. Позитивистский подход, таким образом, приводит к существенным затруднениям при попытке установить ту грань, которая отделяет социально приемлемое от недопустимого в поведении индивидов с учетом того, что точка зрения законодателя в данном вопросе может существенно варьироваться с течением времени.

Как справедливо отмечает Ю.В. Голик, в природе не существует преступлений и преступности. Люди договариваются считать преступлением определенные действия, совершенные при определенных условиях и в определенное время [2, с. 22]. Независимо от того, понимать ли данную договоренность в позитивистском ключе как договоренность субъектов правотворчества, достигнутую в процессе законотворчества или (вслед за философами, разрабатывавшими теорию общественного договора) как соглашение, согласно которому частные лица уступают часть своих естественных прав в об-

мен на безопасность и гарантированность других прав [3, р. 3], открытым остается вопрос о том, какова конечная цель упомянутой договоренности в практической плоскости – какое поведение является допустимым, желательным и поощряемым с точки зрения уголовного права.

Результаты исследования

Одним из первых в отечественной доктрине уголовного права категорию позитивного поведения разрабатывал Р.А. Сабитов, который обособил два вида посткриминального поведения: положительное (правомерное) и отрицательное (неправомерное), а также обособил виды правомерного посткриминального поведения [4, с. 22-23].

Необходимое направление для дальнейших исследований связано с выявлением сферы применения понятия позитивного поведения вне рамок только лишь посткриминального поведения. Доктрине и уголовному законодательству наряду с основаниями освобождения от уголовной ответственности, связанными с посткриминальным поведением, известны также и обстоятельства, исключающие преступность деяния. Данные обстоятельства также могут выступать как разновидности позитивного поведения, поскольку поведение лица, действовавшего при наличии одного из указанных обстоятельств, не запрещено законом, а последствия для него более благоприятны по сравнению с правовыми последствиями для лица, совершившим то же деяние при отсутствии какого-либо из данных обстоятельств.

Эмпирически можно было бы утверждать, что позитивное поведение в уголовном праве – это всякое поведение, которое способно при соблюдении предусмотренных законом условий повлечь за собой наступление для лица правовых последствий в виде освобождения лица от уголовной ответственности или наказания. Однако данное определение описывало бы лишь внешнюю сторону позитивного поведения, наблюдаемую в условиях действующего законодательства, и, как будет показано ниже, не во всех случаях точно. В рамках же научного исследования позитивного поведения представляется необходимым установление тенденций развития законодательного подхода к позитивному поведению, а также

конструирования модели того, какое поведение *de lege ferenda* должно влечь за собой улучшение правового положения лица либо недопущение наступления для него неблагоприятных последствий в виде уголовного преследования.

Согласно основам действующего конституционного строя человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Следует подчеркнуть, что право каждого на жизнь не подлежит ограничению ни при каких обстоятельствах (часть 2 статьи 20, часть 3 статьи 56 Конституции РФ). Указанное законодательное решение является существенным шагом вперед в защите прав личности по сравнению с известным историей отечественного права решением.

Так, например, Конституция СССР 1936 г.¹ закрепляла лишь право на неприкосновенность личности для граждан СССР, которая сводилась к тому, что никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора (статья 127 Конституции СССР 1936 г.), но не закрепляла не подлежащее ограничению право человека на жизнь.

В данном историко-правовом контексте имелись формально-юридические предпосылки для принятия приказа народного комиссара обороны СССР И.В. Сталина от 28 июля 1942 г. № 227 (далее – приказ № 227)².

Военно-историческая оценка влияния данного приказа на последующий ход Великой Отечественной войны не входит в предмет настоящего исследования. В рамках уголовно-правового дискурса необходимо обратить внимание на то, что вышеназванным приказом фактически ограничивалось право на жизнь военнослужащих штрафных

¹ Постановление Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза ССР об утверждении Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик от 5.12.1936 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. IX. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1937 г. М.: НКВД, 1938.

² О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций: приказ народного комиссара обороны СССР № 227 от 28.07.1942. URL: <https://rg.ru/2023/04/14/prikaz-o-merah-po-ukrepleniui-discipliny-i-poriadka-v-krasnoj-armii-i-zapreshchenii-samovolnogo-otkoda-s-boevyih-pozicij.html> (дата обращения: 15.06.2023).

батальонов Красной армии, которым прямо приказывалось «искупить кровью свои преступления перед Родиной». Отступление с боевых позиций без приказа высшего командования пресекалось заградительными отрядами, которые в соответствии с приказом № 227 были уполномочены расстреливать отступающих на месте.

При этом основания попадания в состав штрафных батальонов не всегда были справедливыми. В числе состава указанных батальонов оказывались в том числе и военнослужащие, которые сумели с боем вырваться из окружения и отойти к своим войскам, и лица, которые по религиозным соображениям отказались брать в руки оружие, и те, кто неосторожно продемонстрировал отличное владение немецким языком – языка противника [5].

Изложенное приводит к ряду вопросов правового и морально-этического характера. (1) За всяким ли преступлением может следовать положительное поведение? (2) Как соотносится право на жизнь и другие личные права индивида с общественными интересами в контексте индивидуального положительного поведения? (3) Допустимо ли считать положительным поведением отказ от выполнения юридических обязанностей по религиозно-нравственным соображениям? (4) Является ли положительным поведением причинение вреда при исполнении приказа? Ответы на поставленные вопросы позволят очертить сферу применения и отличительные признаки позитивного поведения в уголовном праве.

Буквальное прочтение первого вопроса, казалось бы, приводит к отрицательному ответу. Так, например, в конкретно-историческом контексте действия приказа № 227 отступление с боевых позиций без приказа трактовалось как преступное предательство, полностью исключающее шанс на какое-либо дальнейшее положительное поведение (влекущее расстрел на месте). Однако заслуживает поддержки тезис английского юриста Дж. Остина (Austin) о том, что «приказы, относящиеся к определенному событию или особой ситуации», нельзя называть «законом в собственном смысле слова», отличительной чертой которого является универсальный характер [6, р. 11, 14].

Не существует универсальных ценностей, которые могли бы безоговорочно оправдать такую высокую цену, как лишение человека фундаментального права на жизнь против его воли. В этом смысле представляет интерес философская трактовка идеи ценности, предполагающая, что ценности носят по своей сути субъективный характер.

Понятие «ценность» обязано устойчивостью своего употребления философии Ф. Ницше. Именно с влиянием последней М. Хайдеггер связывает то, что «идея ценности стала нам привычной» [7, с. 71]. По мнению Ф. Ницше, объективных ценностей не существует (цит. по: [8, р. 235]). Анализируя воззрения Ф. Ницше, М. Хайдеггер отмечает, что разговоры об универсальных «ценностях в себе» либо пусты (представляют собой «безмыслие»), либо фальшивы, подчеркивая: «... «ценность» по своему существу есть «точка зрения» [7].

При взгляде с данной позиции следует признать, что ограничение права человека на жизнь помимо его воли (на этом необходимо остановиться ниже) – это не что иное, как диктат воли сильного, который под своим углом зрения высшего арбитра определяет, должен ли тот или иной человек пожертвовать собой ради «высших ценностей», заслуживает ли он права на жизнь и исправление (или на служение обществу иным способом, чем тот, который от него требуется). Подобный подход не может быть признан удовлетворительным.

Напротив, *de lege ferenda* шанс на коррекцию поведения должен быть обеспечен каждому. Важно отметить, что данный тезис не просто представляется верным с точки зрения справедливости, но и более осуществим с практической точки зрения, чем может казаться на первый взгляд. Согласно результатам исследований, принятие коррекционных мер даже к преступникам из группы, в которой риск рецидива объективно высокий (в силу психических заболеваний или по другой причине), позволяет добиться «как позитивных перемен в жизни, так и общественной безопасности» [9].

Необходимо подчеркнуть, что выше имеется в виду именно недобровольный характер ограничений. Героизм людей, сделавших выбор в пользу защиты своих соотечественников

с оружием в руках, бесспорно, заслуживает должного признания. В то же время если система религиозно-нравственных соображений человека не позволяет ему взять в руки оружие ни при каких обстоятельствах, даже под угрозой расстрела, то принудительно бросать его под пули – жестоко и бессмысленно.

Коллизия между публичными и частными интересами в обозначенном случае подводит к вопросу о том, может ли поведение человека быть одновременно конфликтным и положительным. В конфликтологии выделены различные стратегии поведения человека при конфликте. Анализ указанных стратегий позволяет утверждать, что само по себе наличие конфликта интересов не означает с неизбежностью, что одна из сторон действует недобросовестно и стремится удовлетворить только свои интересы в ущерб другим. Подобная линия поведения, как отмечено в литературе, характерна для такой стратегии поведения при конфликте, как конкуренция (соперничество), однако существуют и другие стратегии, например, компромисс и сотрудничество, позволяющие искать альтернативные решения [10].

С учетом указанного видится, что отказ от выполнения юридической обязанности может, тем не менее, представлять собой положительное поведение, если протест против выполнения обязанности не является самоцелью человека, и его поведение явно свидетельствует о намерении внести равноценный или больший вклад для общественных интересов иным способом, а не тем, который требуется при исполнении обязанности. В пользу практической состоятельности данной позиции свидетельствует наличие в отечественном законодательстве института замены военной службы альтернативной гражданской службой в случае, если несение воинской службы противоречит убеждениям или вероисповеданию лица либо оно относится к коренному малочисленному народу Российской Федерации и отвечает критериям, закрепленным в законе³.

Изложенное позволяет выделить такой признак позитивного поведения, как соци-

альная полезность. Важно отметить, что речь идет об объективной пользе. Лицо может быть убежденным, что его деяние несет пользу для социума, однако его субъективная точка зрения сама по себе не делает деяние социально полезным. Так, например, в системе ценностей человека может присутствовать убеждение, что самовольное возмездие за причиненный ему лично или чувствительным для него интересам вред не только допустимо, но и желательно, и под влиянием данного убеждения причинить ущерб другому лицу не ради предотвращения вреда, который уже наступил в прошлом, а в порядке мести. В свете изложенного в доктрине уголовного права справедливо в качестве объективного признака поведения обороняющегося лица при необходимой обороне выделяется своевременность защиты [11, с. 465], а сама необходимая оборона расценивается как «правомерное, общественно полезное поведение» [12, с. 83], чего нельзя сказать о мести.

В науке уголовного права представлена точка зрения, в соответствии с которой «деяния, совершаемые при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, вполне заслуживают конкретного поощрения со стороны государства» [13, с. 149], с которой можно согласиться лишь отчасти. Более точно исходить из того, что выявление обстоятельств, исключающих преступность деяния, позволяет методом исключения сделать вывод об отсутствии в содеянном общественной опасности [14, с. 104], однако из отсутствия общественной опасности в деянии не следует с необходимостью, что оно социально полезно. С учетом изложенного не все виды деяний при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, следует расценивать как положительное поведение (и, соответственно, поощрять).

Так, субъект, действующий во исполнение незаконного приказа, способен причинить вред охраняемым уголовным законом интересам. И в отличие от других обстоятельств, исключающих преступность деяния, за причинение вреда в результате исполнения незаконного приказа уголовная ответственность наступает, однако несет ее лицо отдавшее, а не исполнившее приказ. Думается, что непоследовательно считать за-

³ Об альтернативной гражданской службе: Федеральный закон от 25.07.2002 № 113-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3030.

служивающим поощрения поведение исполнителя общественно опасного деяния и одновременно настаивать на привлечении к уголовной ответственности лица, отдавшего приказ о совершении этого же самого деяния.

Спорно и утверждение, что «наличие общественно полезной цели является субъективным основанием правомерности причинения вреда при исполнении приказа или распоряжения» [15, с. 285]. Основанием освобождения от уголовной ответственности в порядке статьи 42 УК РФ⁴ выступает не то, что у субъекта обязательно была общественно полезная цель, а то, что незаконность приказа или распоряжения не была для него очевидна. И поэтому исполнитель посчитал себя обязанным подчиниться – независимо от того, воспринимал ли он свой поведенческий акт как нацеленный на общественно полезный результат или нет. Как справедливо отмечено в литературе, в ряде случаев исполнитель «может предвидеть наступление общественно опасных последствий исполнения приказа или распоряжения... но не обладает всей полнотой информации для того, чтобы оценить этот приказ как законный или незаконный» [16, с. 210].

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Список источников

1. *Медведев Е.В.* Социальное назначение уголовного права // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2022. Т. 164. № 4. С. 122-133. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.4.122-133>, <https://elibrary.ru/cayzsz>
2. *Голик Ю.В.* Истина в уголовном праве: Аналитический доклад. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2013. 53 с.
3. *Weber T.M.* Examining social contract theory // Praxis. 2014. Vol. 1. № 1. P. 2-8.
4. *Сабитов Р.А.* Посткриминальное поведение. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. 193 с. <https://elibrary.ru/htdvlb>
5. *Дайнес В.* Штрафбаты и заградотряды Красной Армии. М.: Эксмо, 2008. 444 с.
6. *Austin J.* Lectures on Jurisprudence (abridged by Robert Campbell). L., 1920. 475 p.
7. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления: пер. с нем. и комм. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. 447 с.
8. *Langsam H.* How to combat nihilism: reflections on Nietzsche's critique of morality // History of Philosophy Quarterly. 1997. Vol. 14. № 2. P. 235-253.
9. *Skeem J.L., Polaschek D.L.L.* High risk, not hopeless: correctional intervention for people at risk for violence // Marquette Law Review. 2020. Vol. 103. Issue 3. P. 1130-1148.
10. *Багаева В.В.* Стратегии поведения в конфликте // Сибирский торгово-экономический журнал. 2015. № 1 (20). С. 91-92. <https://elibrary.ru/vhgfpp>
11. *Сабитов Р.А.* Теория и практика уголовно-правовой квалификации. М.: Юрлитинформ, 2013. 592 с. <https://elibrary.ru/tmukyt>
12. *Колосовский В.В.* Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний. М.: Статут, 2011. 398 с. <https://elibrary.ru/qseppl>

Заключение

На основе предпринятого исследования следует сделать следующие выводы.

1. Позитивное поведение может следовать за любым преступлением.

2. Сфера применения понятия «позитивное поведение в уголовном праве» шире рамок одного лишь посткриминального поведения, оно применимо также по отношению к ряду оснований, исключающих преступность деяния.

3. Указанное понятие является оценочным, его содержание носит исторически-изменчивый характер и зависит от того, в какой степени гарантировано право на жизнь и иные фундаментальные права человека в условиях конституционного строя, действующего в конкретный период развития государства.

4. Признаком позитивного поведения выступает социальная полезность, понимаемая в объективном смысле, а не в субъективном восприятии лица, совершающего то или иное деяние.

5. Освобождение лица от уголовной ответственности само по себе не всегда свидетельствует об оценке его поведения как позитивного. В определенных случаях деяние лица может быть дозволенным, но не позитивным.

13. Абрамян К.О. Виды уголовно-правового поведения и их значение для решения задач уголовного законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 4 (123). С. 143-149. <https://elibrary.ru/xythox>
14. Благоев Е.В. Об основании уголовной ответственности // Lex Russica. 2019. № 1 (146). С. 97-105. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.146.1.097-107>, <https://elibrary.ru/yvpcyp>
15. Сидоров Б.В., Гумеров И.А. Исполнение приказа или распоряжения: социально-правовая природа, вопросы ответственности, наказания и совершенствования уголовного закона за деяния, совершаемые во исполнение приказа или распоряжения // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 3. С. 283-287. <https://elibrary.ru/ulqzlb>
16. Леонова Т.Ю. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Правовая культура. 2011. № 1 (10). С. 206-214. <https://elibrary.ru/opglot>

References

1. Medvedev E.V. (2022). Social Purpose of Criminal Law. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki = Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, vol. 164, no. 4, p. 122-133. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.4.122-133>, <https://elibrary.ru/cayzsz>
2. Golik Yu.V. (2013). *Istina v ugovnom prave: Analiticheskii doklad* [Truth in Criminal Law: Analytical Report]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 53 p. (In Russ.)
3. Weber T.M. (2014). Examining social contract theory. *Praxis*, vol. 1, no. 1, pp. 2-8.
4. Sabitov R.A. (1985). *Postkriminal'noe povedenie* [Post-Criminal Behavior]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 193 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/htdvbl>
5. Daines V. (2008). *Shtrafbaty i zagradotryady Krasnoi Armii* [Penal Battalions and Barrage Detachments of the Red Army]. Moscow, Eksmo Publ., 444 p. (In Russ.)
6. Austin J. (1920). *Lectures on Jurisprudence (abridged by Robert Campbell)*. London, 475 p.
7. Heidegger M. (1993). *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow, Respublika Publ., 447 p. (In Russ.)
8. Langsam H. (1997). How to combat nihilism: reflections on Nietzsche's critique of morality. *History of Philosophy Quarterly*, vol. 14, no. 2, pp. 235-253.
9. Skeem J.L., Polaschek D.L.L. (2020). High risk, not hopeless: correctional intervention for people at risk for violence. *Marquette Law Review*, vol. 103, issue 3, pp. 1130-1148.
10. Bagaeva V.V. (2015). Strategii povedeniya v konflikte [Strategies for Dealing with Conflict]. *Sibirskii torgovo-ekonomicheskii zhurnal* [Siberian Trade and Economic Journal], no. 1 (20), pp. 91-92. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vhgfpp>
11. Sabitov R.A. (2013). *Teoriya i praktika ugovno-pravovoi kvalifikatsii* [Theory and Practice of Criminal Legal Qualifications]. Moscow, Uritinform Publ., 592 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tmukyt>
12. Kolosovsky V.V. (2011). *Teoreticheskie problemy kvalifikatsii ugovno-pravovykh deyanii* [Theoretical Problems of Qualification of Criminal Acts]. Moscow, Statut Publ., 398 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qsepl>
13. Abramyan K.O. (2018). Types of criminal and legal behavior and their value for solving tasks of the criminal legislation. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*, no. 4 (123), pp. 143-149. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xythox>
14. Blagov E.V. (2019). The basis of criminal responsibility. *Lex Russica*, no. 1 (146), pp. 97-105. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.146.1.097-107>, <https://elibrary.ru/yvpcyp>
15. Sidorov B.V., Gumerov I.A. (2015). Performance of the order or order: the social and legal nature, questions of responsibility, punishment and improvement of the criminal law for the acts made in pursuance of the order or the order. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of Economy, Law and Sociology*, no. 3, pp. 283-287. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ulqzlb>
16. Leonova T.Yu. (2011). The execution of the order or the instruction, as the circumstance excluding criminality of act. *Pravovaya kul'tura = The Legal Culture*, no. 1 (10), pp. 206-214. (In Russ.) <https://elibrary.ru/opglot>

Поступила в редакцию / Received 12.08.2023

Поступила после рецензирования / Revised 15.11.2023

Принята к публикации / Accepted 17.11.2023

Работа доступна по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная